

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

МИХАЙЛОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,

профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
Российской государственной академии интеллектуальной собственности,
доктор юридических наук, профессор
irina_mikhaylova@list.ru

В статье анализируются теоретические и практические вопросы, связанные с возможностью закрепления в Гражданском кодексе РФ так называемого наследственного договора, в котором могут определяться наследники и устанавливаться порядок перехода наследственного имущества после открытия наследства. Автор рассматривает как достоинства данного предложения, так и негативные последствия, к которым может привести его введение.

Ключевые слова: наследственный договор, свобода завещания, распоряжение имуществом, наследник, наследодатель, изменение и расторжение договора.

The article analyzes theoretical and practical issues related to the possibility of formalization of a so-called inheritance agreement in the Civil Code of the Russian Federation, where one can determine heirs and establish the procedure for transfer of the inherited property after the commencement of succession. The author reviews advantages of this proposal as well as negative consequences its implementation may lead to.

Keywords: inheritance agreement, freedom of will, disposal of property, heir, testator, agreement amendment and termination.

МИХАЙЛОВА ИРИНА А.

Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law
of the Russian State Academy of Intellectual Property
Doctor of Law, Professor

AN INHERITANCE AGREEMENT: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Завершение сложного и чрезвычайно продуктивного десятилетия, на протяжении которого осуществлялось масштабное и всестороннее совершенствование Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), ознаменовалось беспрецедентной модернизацией наследственного права, которое долгие годы заслуженно считалось наиболее консервативной подотраслью гражданского права. Внесенные и введенные в действие изменения и дополнения норм, закрепленных в разделе V ГК РФ¹, активно обсуждаются представителями науки и практики, которые в большинстве случаев весьма позитивно оценивают тенденции развития современного наследственного права, а также смысл, правовую сущность и назначение наследственных новелл².

¹ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4808.

² См., напр.: Беспалов Ю.Ф. Наследственное законодательство России: недостатки и некоторые проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 13–17 ; Долинская В.В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 3–13 ; Маркина Т.В. Гражданская правосубъектность наследственного фонда: основные положения // Наследственное право. 2017. № 4. С. 12–14 ; Михайлова И.А. К вопросу о субъектах наследственного правопреемства и очередности наследования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 17–23 ;

Однако процесс реформирования наследственного права еще не завершен, и на очереди принятие новых норм о наследовании, содержащихся в проекте Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ (далее — Законопроект). К числу наиболее значимых новелл, предусматриваемых названным Законопроектом, относится новая договорная конструкция, закрепленная в ст. 1140.1 «Наследственный договор», в соответствии с которой «наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию (статья 1116), договор, условия которого определяют порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к указанным лицам или к третьим лицам (наследственный договор)» (п. 1).

Новизна рассматриваемой новеллы является бесспорной, так как наследственный договор (договор о наследовании) никогда не имел легального закрепления в отечественном наследственном праве. Более того, возможность заключения подобного договора не рассматривалась в богатейшем теоретическом наследии выдающихся российских

Харитонова Ю.С. Решение наследодателя о создании наследственного фонда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 32–36 ; и др.

³ URL: <http://garant.ru/hotlaw/federal/627302/>

цивилистов, обращавшихся к исследованию практических всех наиболее важных аспектов наследственного права. Естественное для многих граждан — собственников движимого и недвижимого имущества стремление заручиться гарантиями желательного для них поведения будущего наследника рассматривалось исключительно в виде условий, включаемых в завещание, по поводу которых Д.И. Мейер отмечал: «Назначение наследника не-редко сопровождается различными условиями. Но нет надобности останавливаться на этом предмете: общие положения об условиях как побочных определениях сделки применяются и к завещанию. Исключение предоставляются только относительно условий, противных нравственности: они не делают духовное завещание недействительным, а считаются как бы ненаписанными»⁴.

Подобная договорная конструкция не предусматривалась и в римском частном праве, в котором была сформирована и доведена до совершенства обширнейшая система правовых предписаний на случай смерти — *mortis causa*. Вероятно, такое отсутствие объясняется тем, что возможность заключения будущим наследодателем договора о наследовании противоречила принципу свободы завещаний, поскольку, совершив подобный договор, завещатель (по логике) лишался бы возможности последующего свободного распоряжения своим имуществом на случай смерти.

Возможность заключения договора о наследовании не предусматривается и в Гражданском кодексе Франции (Кодексе Наполеона)⁵, в котором все аспекты наследственного правопреемства получили детальную разработку, однако она закреплена в Гражданском уложении Германии⁶, хотя его легальная регламентация носит весьма скромной характер: законодатель ограничивается указанием на право наследодателя посредством договора назначить наследника, а также предусмотреть завещательные отказы и возложения, т.е. заключить договор о наследовании (§ 1941). При этом установлено, что «наследником (наследником по договору) или отказополучателем могут быть назначены как другая сторона по договору, так и третье лицо». Такое своеобразное договорное назначение наследника в доктрине иногда рассматривалось как «третье основание наследования»⁷.

В настоящее время нормы о наследственных договорах закреплены в гражданском законодательстве Австрии, Швейцарии и некоторых других

⁴ Мейер Д.И. Русское гражданское право : в 2 ч. / по испр. и доп. 8-му изд., 1902. З-е изд., испр. М. : Статут, 2003. С. 787.

⁵ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. В. Захватаев ; предисл. А. Довгерт, В. Захватаев ; отв. ред. А. Довгерт. Киев : Истина, 2006. С. 329.

⁶ Бергманн В. Гражданское уложение Германии / пер. с нем. З-е изд., перераб. М. : Волтерс Клювер, 2008. С. 585.

⁷ Гrimm D.D. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права // URL: http://www.pravo.vuzlib.su/book_z1238_page_3.html

европейских государств. Представлена данная конструкция и на постсоветском пространстве: в ст. 1302 Гражданского кодекса Украины⁸ закреплено, что «по наследственному договору одна сторона (приобретатель) обязуется выполнять распоряжение второй стороны (отчуждателя) и в случае его смерти приобретает право собственности на имущество отчуждателя».

Представляется, что приведенная формулировка соответствует пониманию данного договора в качестве юридического факта, порождающего не столько наследственные, сколько обязательственные правоотношения, о чем свидетельствует и наименование сторон — с одной стороны, «приобретатель», а с другой — «отчуждатель», в отличие от соответствующего определения, закрепленного в Законопроекте, в котором собственник имущества, заключающий наследственный договор, именуется наследодателем (что не вполне верно, так как наследодателем он станет только после своей смерти), а его контрагент остается не поименован, хотя его вполне можно называть «будущий наследник».

Краткий исторический экскурс и обзор соответствующих положений зарубежного законодательства убедительно свидетельствует о том, что «допустимость такого договора концептуально никак не обоснована, весьма дискуссионна и не соответствует традиции российского частного права»⁹. Тем не менее конструкция наследственного договора, которую предлагают закрепить в ГК РФ, нуждается в самом тщательном анализе и обсуждении, поскольку наследственный договор может стать третьим (наряду с наследованием по закону и завещанию) основанием наследования, что, несомненно, повлечет весьма существенные изменения всей давно сложившейся системы российского наследственного права.

Не останавливааясь на анализе правовой сущности наследственного договора, попытаемся выяснить, насколько данная конструкция востребована современным гражданским оборотом. Как справедливо отмечает В.В. Долинская, требования доктрины к развитию законодательства заключаются в следующем: оно должно удовлетворять имеющиеся потребности и адекватно отражать уровень развития общества и экономики, в полной мере соответствовать логике развития права¹⁰.

Эта идея была сформулирована еще И.А. Покровским: «В общем уровне экономического и культурного развития неизбежно повышается общий уровень требований личности в данной среде: растут самосознание и самооценка среднего, ти-

⁸ URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/grazdanskiy-kodeks/glava-85/>

⁹ Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (прин. на заседании Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 13.07.2015 № 144-1/2015 (п. 6)) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Долинская В.В. Указ. соч. С. 3.

личного человека, и в соответствии с этим расширяется общая система субъективных прав; право объективное неизбежно должно поспевать за этим возрастающим общим самосознанием и давать ему надлежащее удовлетворение¹¹.

Можно ли с уверенностью утверждать, что в настоящее время «растущее самосознание среднего, типичного человека» требует введения нового (договорного) основания наследования и что возможность назначения наследника не в завещании, как это предусматривалось на протяжении столетий, а именно в договоре является настоящей потребностью современного гражданского оборота? Какие преимущества новой договорной конструкции обусловливают объективную необходимость или хотя бы целесообразность ее закрепления в разделе V ГК РФ?

На первый взгляд достоинством предполагаемой новеллы является тот факт, что она наделяет граждан правовой возможностью заранее согласовать все наиболее важные аспекты наследственного правопреемства: во-первых, указать в договоре будущих наследников из числа лиц, которые могут призываться к наследованию, или неких «третьих лиц»; во-вторых, определить порядок перехода к назначенным наследникам прав на имущество наследодателя; в-третьих, возложить на участующих в договоре субъектов обязанность совершить после смерти наследодателя какие-либо действия имущественного или неимущественного характера (п. 1 ст. 1140.1). Рассмотрим каждое из приведенных положений.

1. Из текста анализируемой нормы остается неясным, в чем может состоять преимущество назначения наследника не в завещании, как это предусмотрено действующим законодательством, а в заключаемом с ним договоре. Видимо, имеется в виду предоставляемая такой конструкцией возможность заранее заручиться согласием выбранного наследодателем лица на принятие им наследства, однако, как правило, у будущих наследодателей не имеется оснований сомневаться в таком согласии. Случай отказа от наследства встречаются весьма редко, поэтому целесообразность достижения соглашения с будущим наследником о принятии им наследственного имущества вызывает определенные сомнения. Еще более странной выглядит предусмотренная в Законопроекте ситуация, при которой наследодатель в договоре определяет условия перехода прав на его имущество не к контрагенту, а к названным в Законопроекте неким «третьим лицам», которые и станут наследниками после открытия наследства. Роль и основания участия в наследственном договоре этих лиц в Законопроекте никак не определены, поэтому они остаются совершенно неясными.

2. Порядок перехода к наследникам наследственного имущества достаточно подробно регламентируется в целом ряде статей, закрепленных в главе 65 и других главах ГК РФ, а также нормах федеральных законов, устанавливающих особенности наследования отдельных видов имущества.

¹¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998. С. 120–121.

Представляется, что конкретизация соответствующих легальных положений может потребоваться в первую очередь применительно к особо сложным и особо дорогостоящим объектам, переход которых в собственность наследников действительно может иметь настолько сложный характер, что его процедуру целесообразно продумать заранее и внести в виде условий в заключаемый с ними договор. В этом плане возможность детального обсуждения и согласования всех особенностей перехода к наследникам прав на указанное в наследственном договоре имущество следует приветствовать как в полной мере соответствующую потребностям современного гражданского оборота.

За десятилетия, последовавшие после перехода России к рыночной экономике, в стране сформировался социальный слой, объединяющий собственников движимого и недвижимого имущества, в том числе граждан, обладающих многомиллионными или миллиардовыми состояниями, различными имущественными комплексами, яхтами и самолетами, поместьями, дворцами, особняками и шале, расположенными как в России, так и за ее пределами, СМИ, промышленными предприятиями, земельными угодьями, дорогостоящими коллекциями живописи, антиквариата, ювелирных украшений и т.д.

Переход в собственность будущего наследника такого рода объектов может быть сопряжен с необходимостью оперативного решения целого ряда вопросов, многие из которых имеют важное социально-правовое значение, например, проблема сохранения рабочих мест на предприятии, переходящем по наследству, обеспечение бесперебойной деятельности той или иной коммерческой организации, размещение живописных полотен и др. В подобных ситуациях наличие договора, содержащего предусмотренные наследодателем условия и порядок перехода к наследнику соответствующих видов имущества, бесспорно, имеет весьма важное позитивное значение как для всех заинтересованных лиц, так и для устойчивости и стабильности гражданского оборота.

3. Еще более важным может явиться предлагаемая в Законопроекте возможность возложения на будущего наследника в заключаемом им договоре тех или иных обязанностей имущественного или неимущественного характера, которые могут относиться к различным сферам интересов наследодателя. Выраженное им в договоре стремление достичь некоего желательного для него результата путем возложения на будущего наследника соответствующих обязанностей на первый взгляд напоминает завещательный отказ и завещательное возложение, но отличается от них значительным преимуществом — получением согласия будущего наследника совершить после открытия наследства соответствующие действия, что не предусмотрено нормами, закрепленными в ст. 1137–1139 ГК РФ, в соответствии с которыми отказополучатели в большинстве случаев узнают о возложении на них той или иной обязанности только после смерти наследодателя.

Особое значение возможность заключения наследственного договора может иметь для авторов произведений науки, литературы и искусства, так как в таком случае повышаются гарантии того, что после их смерти наследники будут осуществлять в отношении созданных ими объектов только те действия, которые были предусмотрены в заключенном с ними договоре, что поможет избежать или хотя бы сократить случаи прямого нарушения воли наследодателя, нередко встречающиеся на практике.

Так, например, в сентябре 2011 г. американский телеканал ABC обнародовал аудиозапись воспоминаний Жаклин Кеннеди в виде многочасовой беседы с А. Шлезингером, которая состоялась спустя четыре месяца после убийства президента США Джона Кеннеди. Позднее расшифровка этой аудиозаписи вышла в виде книги под названием Jacqueline Kennedy: Historic Conversations on Life With John F. Kennedy («Жаклин Кеннеди: исторические беседы о жизни с Джоном Кеннеди»). Было известно, что Жаклин Кеннеди, которая умерла в 1994 г., оставила завещание, в котором распорядилась обнародовать записи этих бесед только спустя 50 лет после ее смерти, однако ее дочь Кэролайн, нарушив волю матери, придала их огласке спустя всего 17 лет¹².

Однако обсуждаемая новелла вызывает множество теоретических и практических вопросов. Граждане, решавшие вопрос о распоряжении имуществом на случай смерти (будущие наследодатели), действительно могут быть заинтересованы в возложении на будущего наследника обязанности совершения тех или иных действий, которые они рассматривают в качестве условия приобретения наследственных прав. Действия будущего наследника, по поводу совершения которых с ним заключается наследственный договор, в законопроекте не конкретизируются, указывается только, что они могут иметь как имущественный, так и неимущественный характер, что открывает широкий простор для научных дискуссий.

К числу таких действий могут, например, относиться: обнародование или, напротив, отказ от обнародования названного автором произведения; проживание в определенном регионе или в помещении, принадлежавшем наследодателю; получение того или иного образования; создание семьи; отказ от употребления спиртных напитков или наркотических средств; прекращение недопустимого, с точки зрения наследодателя, образа жизни; регистрация в качестве индивидуального предпринимателя; продолжение бизнеса наследодателя и т.д.

Вопрос о возможности возложения на наследников обязанности совершения названных иных действий имеет давнюю историю в отечественной доктрине, но ранее он дискутировался применительно к совершенно иной конструкции — так

¹² Данный пример, как и аналогичная ситуация, сложившаяся относительно романа В. Набокова «Лаура и ее оригинал», изданного сыном писателя вопреки его воле, рассматривался профессором Э.П. Гавриловым. См.: Гаврилов Э. Право на обнародование произведения // Хозяйство и право. 2010. № 4. С. 30–37.

называемым «условным завещаниям», и подавляющее большинство как советских, так и современных ученых считали такое возложение недопустимым как влекущее ограничение гарантированных Конституцией СССР прав и свобод гражданина¹³.

Дифференциация условий завещания на допустимые и недопустимые была предложена В.И. Серебровским, отмечавшим, что вполне допустимо обусловить получение наследства поступлением наследника в институт, но незаконно требовать от него выбора определенной профессии¹⁴. В свою очередь, А.А. Новиков подразделял действия, которые могут быть возложены на наследника, на «законные» (например, достижение определенного возраста, прекращение ведения наследником «паразитического» образа жизни, прекращение злоупотребления алкоголем и др.) и «незаконные, влекущие ограничение гарантированных Конституцией прав и свобод (например, условия о выборе профессии и места жительства, а также условия, ограничивающие права наследника по распоряжению наследственным имуществом и т.д.)»¹⁵. Еще более жесткую позицию по этому вопросу занимает Г.И. Жаркова, которая утверждает, что «условия о получении наследником образования, продолжении начатого наследодателем дела, занятии определенным видом деятельности могут неоправданно ограничить права и свободы человека, являющегося наследником»¹⁶. К этому мнению присоединяется М.Ю. Девицын, также считающий недопустимым включение в завещание условий, которые могут ограничить права и свободы наследника¹⁷.

Однако в современной доктрине представлена и противоположная позиция, в соответствии с которой возложение завещателем на наследника обязанности совершить указанные им действия отнюдь не означает ограничения его прав и свобод. В соответствии с действующим законодательством (п. 2 ст. 1158 ГК РФ) приобретение наследства представляет собой право, а не обязанность, поэтому, если наследник не считает возможным исполнение указанных завещателем условий, он может от него отказаться. Решая вопрос о том, что является более важным и значимым — безвозмездное приобретение наследственного имущества или исключение вмешательства в свою частную жизнь, наследник действует «своей волей и в своем интересе» (п. 2 ст. 1 ГК РФ), поэтому, если он все же решит следовать

¹³ Барщевский М.Ю. Если открылось наследство. М. : Юридическая литература, 1989. С. 61.

¹⁴ Серебровский В.И. Очерки наследственного права. М., 1953. С. 114.

¹⁵ Новиков А.А. К истории завещания под условием в отечественном гражданском праве // Цивилистические исследования. Вып. 1 : сб. науч. тр. памяти профессора И.В. Федорова / под ред. Б.Л. Хаксельберга, Д.О. Тузова. М. : Статут, 2004. С. 349–350.

¹⁶ Жаркова Г.И. Проблема действительности условных завещаний // Бюллетень нотариальной практики. 2004. № 5. С. 45.

¹⁷ Девицын М.Ю. О недопустимости условных завещаний // Наследственное право. 2009. № 1. С. 14–15.

вole завещателя, соответствующие действия станут результатом его осознанного выбора¹⁸.

Закрепление в Законопроекте обсуждаемой договорной конструкции, вероятно, следует рассматривать как предложение установить в ГК РФ право наследодателя обязать наследника совершить некоторые действия в качестве условия перехода к нему наследственных прав, но форма и последствия такого договорного возложения вызывают так много вопросов, что научная дискуссия, активно ведущаяся в современной доктрине¹⁹, несомненно, станет еще более интенсивной.

При этом, однако, трудно ожидать, что заключение договора, в соответствии с которым будущий наследник принимает на себя соответствующие обязанности, полностью гарантирует надлежащее исполнение им условий наследодателя. Поскольку в данном случае одна из сторон договора лишена возможности удостовериться в его исполнении, в Законопроекте установлено, что требовать исполнения обязанностей, установленных наследственным договором, после смерти наследодателя могут наследники, душеприказчик, пережившие наследодателя (данное определение носит явно излишний характер) стороны наследственного договора, а также нотариус, который ведет наследственное дело, в период исполнения им своих обязанностей по охране и управления наследственным имуществом до выдачи свидетельства о праве наследования.

Таким образом, предлагаемый в Законопроекте круг лиц, наделенных соответствующими правомочиями, весьма обширен. Однако материалы судебной практики свидетельствуют о том, что добиться от должника исполнения принятой на себя обязанности нередко крайне затруднительно даже для гражданина, «находящегося в живых», а в тех ситуациях, когда место умершего контрагента займут названные в законопроекте наследники или третьи лица, такие возможности существенно сократятся, поэтому едва ли можно рассчитывать на то, что все участники наследственных договоров, став наследниками, будут надлежащим образом исполнять все возложенные на них обязанности.

Позиция таких лиц также является весьма уязвимой, поскольку никаких гарантий того, что они после смерти наследодателя вступят в наследственные права, в Законопроекте не установлено. В соответствии с п. 8 ст. 1140.1 «наследодатель после заключения наследственного договора вправе совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества и иным образом распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя».

¹⁸ Михайлова И.А. Условные завещания: история и современность // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 1. С. 37–45.

¹⁹ См., напр.: Абраменков М.С., Сараев А.Г. Условные завещания в странах СНГ и Балтии // Наследственное право. 2017. № 4. С. 44–48; Комаристая Н.Ю. Завещания с условиями и возможные осложнения в их осуществлении // Наследственное право. 2017. № 4. С. 8–11; и др.

Действительно, какое-либо ограничение прав наследодателя, заключившего наследственный договор, относительно реализации им правомочий по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом противоречило бы Конституции России, установившей, что право частной собственности охраняется законом (ч. 1 ст. 35). Представляется вполне вероятным, что после заключения наследственного договора будущий наследодатель может тем или иным образом распорядиться принадлежащим ему имуществом (потратит принадлежащие ему денежные средства, проиграет их в азартные игры, продаст объекты недвижимости, подарит собранную им коллекцию живописи и т.д.).

Утрата или значительное сокращение движимого и недвижимого имущества, наследником которого должен был стать контрагент по договору, может произойти и независимо от воли его собственника, вследствие, например, банкротства, причинения вреда действиями третьих лиц или действия непредодолимой силы. Таким образом, заключая договор о наследовании, лицо, названное в нем в качестве будущего наследника, договаривается о порядке перехода к нему имущества, которое, существуя на момент заключения договора, может и не существовать в момент открытия наследства, поэтому такая договоренность носит во многом гипотетический характер.

Однако наибольшие сомнения в целесообразности закрепления в ГК РФ возможности заключения наследственного договора вызывает предусмотренное в Законопроекте соотношение данного договора с завещанием, которое наследодатель решит совершить в будущем. В соответствии с п. 6 ст. 1140.1 «совершенное наследодателем после заключения наследственного договора завещание действует в части, не противоречащей условиям наследственного договора». Приведенное положение означает весьма существенное ограничение завещательной правоспособности российских граждан и противоречит древнему принципу свободы завещания, в соответствии с которым завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве (п. 1 ст. 119 ГК РФ), а также распорядиться своим имуществом или какой-либо его частью, составив одно или несколько завещаний (ст. 1120 ГК РФ).

Между тем ошибочность прежнего решения о назначении наследника может быть выявлена в любой момент после заключения наследственного договора. Такая вероятность обусловлена сложнейшим спектром человеческих чувств и отношений, подверженных многочисленным колебаниям и изменениям вследствие самых различных факторов, в первую очередь поведения, поступков и даже слов лица, названного наследником. Если первоначальное отношение наследодателя к будущему наследнику резко или постепенно изменилось к худшему, вполне естественно, что рано или поздно у него может возникнуть желание по-иному распорядиться своим имуществом, назвав в качестве наследника иное лицо или лиц.

Иногда изменение намерения, для реализации которого был заключен наследственный договор, может быть вызвано не поведением «прежнего наследника», а некими иными факторами, например, тяжелым заболеванием и утратой трудоспособности некоего другого близкого собственнику лица, которому он и решит передать свое имущество после смерти. В этой связи уместно напомнить замечательные слова Д.И. Мейера: «Если завещатель, назначая известное лицо своим наследником, тем удовлетворяет влече²⁰ние своего сердца, то и законодательство, определяя право наследования и выражая понятия человеческого общества, не чуждо и всемууважения к движению сердца, как не чуждо и всему человеческому»²⁰.

На это сторонники наследственного договора могут возразить, что данное правомочие, «удовлетворяющее влече²⁰ние сердца», по-прежнему принадлежит лицу, заключившему наследственный договор. Это действительно так, но любое иное, чем было предусмотрено в заключенном договоре, распоряжение имуществом на случай смерти или указание иного, чем было установлено, лица в качестве наследника не будет иметь силы. Для юридического закрепления нового варианта распоряжения имуществом на случай смерти лицу, заключившему наследственный договор, придется либо добиваться соглашения с названным в нем наследником, либо обращаться в суд с соответствующим иском, так как в п. 7 ст. 1140.1 закреплено, что изменение или расторжение наследственного договора допускается только по соглашению сторон или на основании судебного решения в связи с существенным изменением обстоятельств.

Оба варианта, предлагаемые в Законопроекте, весьма сложны в реализации. Достижение соглашения с лицом, названным наследником в заключенном договоре, об его изменении или расторжении в некоторых ситуациях объективно невозможно: например, будущий наследник — субъект наследственного договора проживает в другом населенном пункте, а возможно, вообще находится за пределами РФ. Кроме того, нетрудно предположить, что лицо, названное наследником, сделает все, от него зависящее, чтобы не допустить изменения или расторжения данного договора, и добиться от него согласия на прекращение его наследственных прав будет чрезвычайно сложно.

Не менее сложным представляется и судебный порядок рассмотрения подобных коллизий, так как установление «существенного изменения обстоятельств», названного в Законопроекте основанием для изменения или расторжения наследственного договора, в соответствии с п. 2 ст. 451 ГК РФ возможно только при одновременном наличии следующих условий:

1) в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет;

2) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла

преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота;

3) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора;

4) из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона (в ред. Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ).

Нетрудно предположить, что изменение отношения к лицу, названному наследником в наследственном договоре, едва ли будет расцениваться судом как «существенное изменение обстоятельств», хотя в отношениях между людьми такие изменения, когда чувства любви и привязанности сменяются противоположными им неприязнью, обидой и враждебностью, имеют весьма важное значение.

В еще большей степени рассмотренные факты ограничивают правила, совершающих завещания в ситуациях, угрожающих смертью, — в больницах, госпиталях, санаториях (подп. 1 п. 1 ст. 1127), а также в чрезвычайных обстоятельствах (ст. 1129). Представляется бесспорным, что именно в такие моменты с особой ясностью формируется понимание степени значимости для гражданина его родных и близких, вследствие чего может возникнуть намерение оставить имущество тому лицу, кто оказался наиболее дорогим перед лицом смерти, однако в таких ситуациях никаких возможностей для расторжения или изменения заключенного ранее наследственного договора уже не имеется. Такие возможности отсутствуют и у граждан, решивших совершить завещание, находясь во время плавания, в разведочных, арктических, антарктических и других подобных экспедициях, в местах дислокации воинских частей или местах лишения свободы (подп. 2–5 п. 1 ст. 1127 ГК РФ).

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что целесообразность закрепления в разделе VГКРФ конструкции наследственного договора в том виде, в котором она предусмотрена в Законопроекте № 801269-6, вызывает весьма серьезные сомнения, в первую очередь потому, что такое решение приведет к существенному ограничению принципа свободы завещания, являющегося конкретизацией принципа диспозитивности гражданского права, развитие которого Е.А. Суханов справедливо назвал одним из наиболее важных достоинств современного наследственного права²¹.

Представляется, что для устранения отмеченного недостатка следует изменить формулировку п. 6 ст. 1140.1 и изложить его в следующей редакции: «Наследодатель вправе после заключения

²¹ Суханов Е.А. Гражданское право России — частное право / отв. ред. В.С. Ем. М. : Статут, 2008. С. 126.

²⁰ Мейер Д.И. Указ. соч. С. 781–782.

наследственного договора отменить или изменить его условия, совершив завещание в соответствии с п.1 ст. 1130 ГК РФ». Тем самым будет устранено имеющееся в настоящий момент противоречие между п. 8 ст. 1140.1, в соответствии с которым «наследодатель после заключения наследственного договора вправе совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества и иным образом распоряжаться этим имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя», и п. 6, в соответствии с которым распоряжение имуществом путем совершения завещания ставится в зависимость от изменения или расторжения наследственного договора.

Такое изменение, наряду с устранением иных недостатков, имеющихся в Законопроекте № 801259-6²², приведет рассмотренные выше особенности наследственного договора в соответствие с принципом свободы завещания, законодательным подходом, характерным для российского гражданского права, а также руководящим разъяснением, сформулированным Конституционным Судом РФ: «Обеспечение реализации воли наследодателя, который определенным образом распорядился своим имуществом при жизни... является одной из важнейших задач правового регулирования наследственных отношений»²³.

Литература

1. Абраменков М.С. Условные завещания в странах СНГ и Балтии / М.С. Абраменков, А.Г. Сараев // Наследственное право. 2017. № 4. С. 38–43.
2. Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (прин. на заседании Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 13.07.2015 № 144-1/2015 (п. 6)).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2013 г. № 29-П по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 ст. 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука // URL: <http://lawru.info/dok/2013/12/23/n5723.htm>
4. Барщевский М.Ю. Если открылось наследство / М.Ю. Барщевский. М. : Юридическая литература, 1989. 191 с.
5. Беспалов Ю.Ф. Наследственное законодательство России: недостатки и некоторые проблемы / Ю.Ф. Беспалов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 13–17.
6. Гаврилов Э. Право на обнародование произведения / Э. Гаврилов // Хозяйство и право. 2010. № 4. С. 31–39.
7. Девицын М.Ю. О недопустимости условных завещаний / М.Ю. Девицын // Наследственное право. 2009. № 1. С. 14–16.
8. Долинская В.В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 3–13.
9. Жаркова Г.И. Проблема действительности условных завещаний / Г.И. Жаркова // Бюллетень нотариальной практики. 2004. № 5. С. 44–45.
10. Комаристая Н.Ю. Завещания с условиями и возможные осложнения в их осуществлении / Н.Ю. Комаристая // Наследственное право. 2017. № 4. С. 8–11.
11. Маркина Т.В. Гражданская правосубъектность наследственного фонда: основные положения / Т.В. Маркина // Наследственное право. 2017. № 4. С. 12–14.
12. Мейер Д.И. Русское гражданское право : в 2 ч. / Д.И. Мейер ; по испр. и доп. 8-му изд., 1902. 3-е изд., испр. М. : Статут, 2003. 831 с.
13. Михайлова И.А. Условные завещания: история и современность / И.А. Михайлова // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 1. С. 37–44.
14. Новиков А.А. К истории завещания под условием в отечественном гражданском праве / А.А. Новиков // Цивилистические исследования. Вып. 1 : сб. науч. тр. памяти профессора И.В. Федорова ; под ред. Б.Л. Хакельберга, Д.О. Тузова. М. : Статут, 2004. 284 с.
15. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. М. : Статут, 1998. 353 с.
16. Суханов Е.А. Гражданское право России — частное право / Е.А. Суханов ; отв. ред. В.С. Ем. М. : Статут, 2008. 588 с.
17. Харитонова Ю.С. Решение наследодателя о создании наследственного фонда / Ю.С. Харитонова // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 32–36.